

Много символизма

Макрон предлагает ядерное сотрудничество, но без права голоса. Для Германии эффект сдерживания будет ограничен.

2 марта президент Франции Эмманюэль Макрон в своей речи о французской ядерной доктрине предложил европейским союзникам сотрудничество в рамках своей концепции «продвинутого сдерживания». При этом ядерное планирование, решения о применении оружия и их реализация должны и впредь оставаться в компетенции исключительно французов. Их делегирование Макрон категорически исключает. Стоит ли Германии принимать предложение Макрона о сотрудничестве на фоне сомнений относительно готовности США к обороне в рамках НАТО?

Несколько слов о немецком ядерном дискурсе. Учитывая разрушительную силу ядерного оружия, крайне важно четко определять понятия, поскольку размытая речь свидетельствует о сильном преуменьшении масштаба проблемы. Те, кто говорит о «ядерном защитном щите», либо не поняли ядерную стратегию, либо хотят успокоить. Защитный щит – обманчивая метафора, которая создает абсолютно ложное представление о ядерной реальности и мешает осознать реальные последствия применения ядерного оружия в случае, если сдерживание не сработает.

Атомное сдерживание – это не экран, не купол и не зонтик, под которым можно защититься от ядерного удара, а угроза нанести противнику неприемлемый ущерб в случае эскалации войны. Сработает ли это, зависит от восприятия, расчетов и готовности лидера вражеского государства к рискам. В конце концов, именно на этом основан парадокс ядерного сдерживания: на максимально вероятной способности рискнуть собственным существованием, чтобы отстоять свою свободу и независимость. Поэтому любая ядерная держава будет применять ядерное оружие только в своих жизненно важных интересах (хотя трактовать их в чрезвычайной ситуации можно по-разному). Франция не исключение. В своей речи президент Макрон неоднократно подчеркивал жизненно важные интересы Франции.

Важное отличие между американским сдерживанием в рамках НАТО и возможным французским ядерным сотрудничеством в Европе заключается в размерах ядерного потенциала

Важное отличие между американским сдерживанием в рамках НАТО и возможным ядерным сотрудничеством с Францией заключается в размерах ядерного потенциала. Франция имеет минимальный потенциал сдерживания – 290 боеголовок, что составляет около одной двадцатой российского потенциала. Точные сравнения ядерных сил не всегда уместны, но разница в арсеналах все равно огромна и явно ограничивает способность Франции к сдерживанию. Кроме того, французская сила сдерживания сосредоточена на четырех стратегических подводных лодках. Каждая из них имеет на борту 16 ракет с многозарядными боеголовками. Одна лодка постоянно находится на патрулировании, в случае кризиса или войны их может быть две. Однако ядерные сверхдержавы имеют и расширяют возможность обнаруживать стратегические подводные лодки и преследовать их на обычных охотничьих, поэтому возникает вопрос о жизнеспособности немногочисленных французских лодок и, как следствие, о способности Франции нанести ответный удар. Для сравнения: США имеют 14 стратегических атомных подводных лодок, до половины которых, вероятно, постоянно находятся в эксплуатации.

Некоторые комментаторы интерпретируют заявления Макрона об увеличении количества боеголовок как объявление о строительстве пятой подводной лодки с 2035 года, но в любом случае французского ядерного потенциала, размещенного на стратегических подводных лодках, недостаточно, чтобы сдержать нападение России на европейских союзников. Более того, не стоит думать, что французский президент когда-нибудь осмелится применить стратегическое ядерное оружие для защиты Берлина или Варшавы, рискуя уничтожением Парижа.

На самом деле предложение Макрона о сотрудничестве, очевидно, касается воздушных ядерных крылатых ракет ASMP, которые используются с боевыми самолетами Rafale и которых Франция сейчас имеет около 50. Он не считает эти системы вооружения

«тактическим ядерным оружием», а скорее средством для однократного предупредительного удара перед применением стратегического ядерного оружия. Представления Макрона о сотрудничестве со странами Европы, в частности с Германией, основаны исключительно на анализе интересов безопасности Франции в мире, который становится все более угрожающим для Парижа. В главных частях ядерной доктрины, то есть ядерном вооружении, ядерном планировании (прежде всего планировании целей) и процессах принятия решений, какое-либо участие партнеров не предусматривается. Это значительно меньше свободы, чем Германия имеет в рамках расширенного сдерживания США, то есть в ядерной плановой группе НАТО.

В целом предложение Макрона можно понимать просто как переоценку интересов безопасности Франции. Очевидно, что он стремится к определенной гибкости в доктрине предупредительного ядерного удара из-за географического продвижения французских боевых самолетов, способных нести ядерное оружие, в случае кризиса или войны. Поддержка со стороны европейских партнеров может заключаться в том, что они примут самолеты на своих базах и при необходимости обеспечат их сопровождение обычными боевыми самолетами. Неудивительно, что этот сугубо национальный подход поддерживает руководство «Национального объединения». Марин Ле Пен и Жордан Барделла согласились с идеями Макрона при условии, что Германия внесет значительный финансовый вклад.

Кстати, очевидна также связь между предложением Макрона и проектом немецко-французского истребителя *Future Combat Air System* (FCAS), который сейчас находится на грани срыва. Франция хочет разработать FCAS в рамках распределения расходов как будущий носитель ядерного оружия после Rafale. Но это не соответствует интересам Германии, которые включают систему конвенционных боевых самолетов.

*Правительству
Германии следует также
заботиться о жизненно
важных интересах своей
страны и занимать
соответствующую
позицию*

Правительству Германии следует также заботиться о жизненно важных интересах своей страны и занимать соответствующую позицию. Возможностей ядерного сотрудничества, которые Макрон обозначил в своей речи, недостаточно для усиления способности Германии к ядерному сдерживанию. Ее реализация, вероятно, приведет к тому, что Берлин получит часть рисков и расходов без надежного усиления. В будущих переговорах правительство

Германии должно настаивать на большей вовлеченности и согласовать этот вопрос с другими европейскими государствами, которые Макрон упомянул среди заинтересованных в сотрудничестве (Великобритания, Польша, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Дания, Греция).

Большая вовлеченность предполагает прежде всего совместное ядерное планирование, включая планирование целей и координацию с Группой ядерного планирования НАТО. Это важно, поскольку в случае войны между Россией и НАТО цели французского ядерного оружия, вероятно, будут и на территории союзников, поэтому их интерес к ядерному планированию целей и принятию решений жизненно важен и обоснован. Однако маловероятно, что Франция станет отвечать этим ожиданиям.

Перечисленные проблемы ядерного сотрудничества с Францией четко показывают, что европейская безопасность невозможна без постоянного расширенного сдерживания со стороны США в рамках НАТО. Дополнение его европейским ядерным сдерживанием требует принципиально иного подхода, а именно создания интегрированного европейского компонента сдерживания в рамках коалиции желающих европейских государств на основе британского и французского ядерного потенциала (который нужно было бы расширить). Но реализация такого подхода длилась бы, по-видимому, вплоть до середины века. Поэтому сейчас нужно усиливать конвенционное сдерживание и оборонную способность НАТО, чтобы удержать войну или ядерную эскалацию на расстоянии. Но сдерживание и обороноспособность сами по себе не обеспечат стабильный мир в Европе. Нельзя пренебрегать вариантами более стабильных отношений с Россией (при условии контроля над вооружением) после окончания российской войны против Украины.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Гельмут В. Гансер

Гельмут В. Гансер (Helmut W. Ganser), генерал-майор в отставке, был заместителем начальника отдела военной политики в Министерстве обороны, преподавателем стратегии в Академии руководящих кадров Вооруженных сил Германии и советником по вопросам военной политики в НАТО и ООН.

